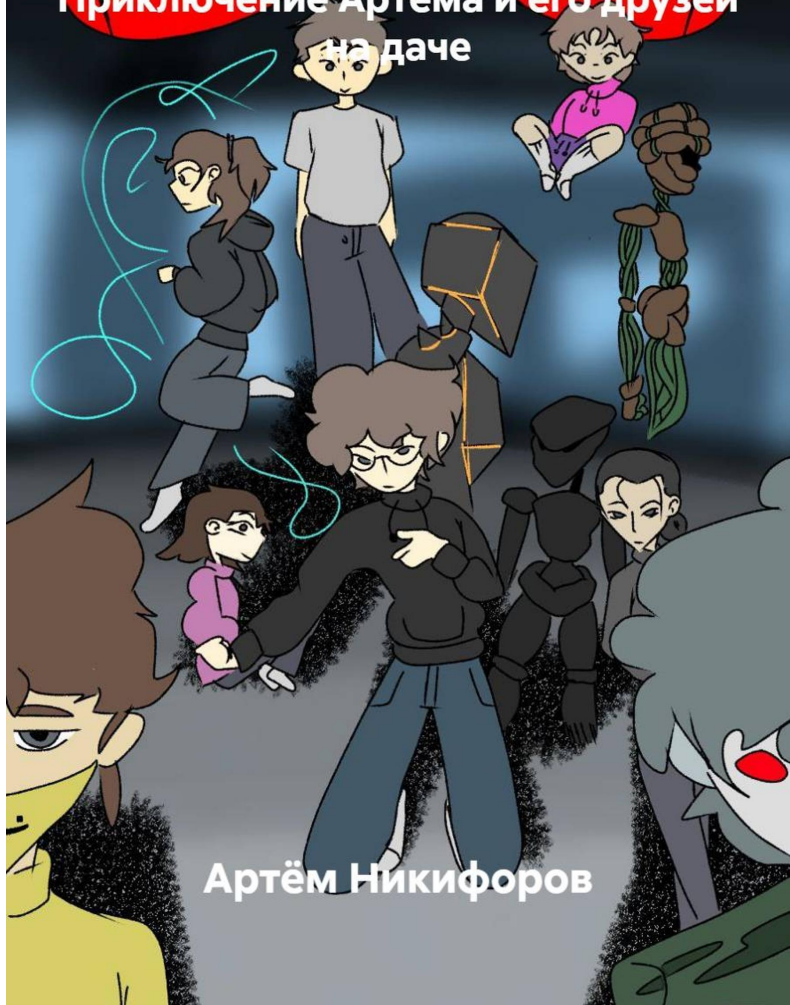

Приключение Артёма и его друзей на даче

Артём Никифоров

Артём Никифоров
Приключение Артёма
и его друзей на даче
Серия «Вселенная Артёма», книга 14

*<https://litres.ru/73529514>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Артём и его друзья пытаются вернуться к обычной жизни после кошмара в лагере «Горизонт». Но покоя нет. В них живут силы, которых они боятся, и прошлое не отпускает. Их преследуют спецслужбы, а Лена, самая рациональная из них, сбегает, выбрав одиночество и забвение.

Наивная попытка укрыться на даче оборачивается новым кошмаром. В Питере появляется Террор — не один, а в виде бесконечной армии клонов. Город захвачен. Чтобы выжить, семерым друзьям нужно не просто сбежать. Им нужно спуститься в подземелья, стать партизанами в своём же городе и, наконец, снова стать командой. Даже если это значит простить предательство и встретиться лицом к лицу с хаосом, у которого нет цели, кроме самой игры в уничтожение.

Их главная битва — не за мир, а за право на обычную жизнь и за тишину, в которую они смогут вместе выдохнуть.

Содержание

Предисловие от автора	4
Предисловие	7
Глава 1. Лето на даче	10
Глава 2. Лена?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Приключение Артёма и его друзей на даче

Предисловие от автора

Тринадцать.

Число, которое одни считают несчастливym, а другие – числом перемен, порогом в новое измерение. Для нас с вами оно стало просто... очередной вехой на пути, который начался десять книг назад. Пути, который оказался куда длиннее, сложнее и удивительнее, чем я мог себе представить.

Когда-то, много страниц назад, Артём был просто мальчиком с кинжалом в груди и вопросом в глазах. Теперь он и его друзья – не просто подростки. Они – хранители. Воины. Семья, скованная не только общей тайной, но и общей болью, общей надеждой, общей силой, которая живёт в них, как второе сердце.

Мы прошли с ними через лагеря и города, через леса и руины, через встречи с теми, кто хотел их уничтожить, и теми, кто хотел их использовать. Мы видели, как рождались их стэнды – Kaboom Symphony, Primordial Bloom, Synthetic Symbiosis, Cosmic Fury. Как из страха рождалась отвага. Как из одиночества – братство.

И после всех этих битв, после шума и ярости, наступает

момент... тишины.

Эта книга – о тишине.

Но не о той, что бывает в пустой комнате. А о той, что наступает после грохота. О тишине, в которой слишком громко слышно собственное дыхание. О тишине, которая сама становится персонажем – плотной, звонкой, полной невысказанного.

Наши герои едут на дачу. Кажется, что это шаг назад – к простоте, к лету, к запаху земли и дыма от костра. Но в нашем мире ничто не бывает просто так. Дача – не убежище. Это очередная точка на карте их судьбы. Место, где прошлое не похоронено, а только присыпано листьями. Где корни деревьев помнят больше, чем люди. Где даже в солнечный день от старых брёвен может пахнуть озоном после грозы – или после разрыва реальности.

Здесь не будет громких сражений с армиями. Но здесь будут тихие битвы – с памятью, с сомнениями, с той частью себя, которая всё ещё хочет быть обычной. Здесь они будут учиться не взрывать, а слышать. Не защищаться, а понимать.

Я бесконечно благодарен вам – тем, кто дошёл до тринадцатой книги. Кто помнит первые шаги Артёма, первые страхи, первые победы. Кто рос вместе с этими героями. Кто, как и я, верит, что у настоящей дружбы и настоящей силы нет последней страницы.

Так что откройте эту книгу. Прислушайтесь. Сквозь стрекот кузнечиков и шелест листьев вы, возможно, услышите

отголоски той самой симфонии, которая когда-то началась в лагере «Горизонт». Она не закончилась. Она просто взяла паузу – чтобы зазвучать по-новому.

С глубоким уважением и благодарностью – за эти тринадцать встреч,

Автор.

Предисловие

Я помню всё.

Я помню удар кинжала в тёмном переулке. Первую каплю крови, упавшую на асфальт, которая стала первой нотой в симфонии, что вы сейчас слышите. Я помню тишину в комнате Артёма до того, как в ней появился *Kaboom Symphony* – ту самую тишину, что была не пустотой, а ожиданием.

Я помню, как Надя в сотый раз смотрела на экран ноутбука, не зная, что её одиночество – лишь прелюдия к ярости, способной сдвинуть звёзды. Как Лена пряталась в тени, надеясь, что мир её не заметит, не зная, что её тихий ум станет паутиной, способной поймать саму реальность. Как Алина смеялась на старой фотографии, ещё не ведая, что корни её души уходят глубже, чем корни древнейших дубов.

Я видела лагерь «Горизонт» до того, как он стал полем битвы. Видела его пустые корпуса зимой, сонные сосны, тихую гладь озера – всё это хранило память о чём-то, что должно было случиться. И когда они съехались туда – все семеро, каждый со своим страхом, своей тайной, своей невысказанной болью – я знала: симфония началась. Дирижёр вышел. Оркестр настраивал инструменты.

Я видела, как красные глаза Террора горели в чаще. Как земля вздымалась по воле *Primordial Bloom*. Как нити *Synthetic Symbiosis* плели щит между жизнью и смертью. Как

Cosmic Fury родился не из силы, а из отчаяния, что стало сильнее любой брони.

Я знала, чем закончится тот бой. И знаю, что будет после. А теперь они едут на дачу.

Они думают, что едут отдыхать. Что лес остался позади. Что тишина – это награда. Они не знают, что тишина бывает разной. Есть тишина пустоты. А есть тишина слушания. Та, в которой слышно, как растёт трава. Как дышит земля. Как память места шепчет сквозь время.

Дача – не убежище. Это архив. Место, где прошлое не умерло, а лишь уснуло. Где каждый камень в старом фундаменте помнит шаги тех, кто был здесь до них. Где колодец – не просто яма с водой, а ухо, вслушивающееся в голоса из-под толщи лет.

Они привезут с собой свои раны, свои страхи, свои новые силы. И место это ответит им. Не злобой, не нападением – а правдой. Правдой, которую не все готовы услышать. Потому что иногда самое страшное – это не битва с монстром, а встреча с тем, что монстром тебя сделало.

Я вижу, что будет. Вижу, как старый сад зашепчет на языке, который поймёт только Алина. Как тени в доме сложатся в узоры, которые расшифрует только Лена. Как тишина между ними станет громче любых слов. И как тот, кто наблюдает за ними извне – не Террор, нет, куда более древний и терпеливый зритель – сделает свой ход.

Я не могу предупредить их. Не могу изменить ход нот.

Я могу только рассказывать. Записывать. Сохранять каждую секунду, каждый взгляд, каждый вздох между «было» и «будет».

Именно это я и делаю сейчас. Для вас.

Вы открыли эту книгу – значит, вы готовы слушать. Значит, вы хотите знать, что было после леса, после взрывов, после того, как дети перестали быть просто детьми.

Так слушайте. Читайте. Смотрите.

Симфония не закончилась. Она лишь сменила тональность. И самый важный аккорд – тихий, протяжный, дрожащий – ещё впереди.

Его будут играть не взрывами. Не яростью. Не силой.

Его будут играть тишиной.

А тишина, как вы уже поняли, бывает очень, очень громкой.

Глава 1. Лето на даче

Дачный посёлок «Огоньково» под Питером в эту пору был тихим, почти сонным местом. Аккуратные участки с новыми заборами, однотипные дома в скандинавском стиле с панорамными окнами, смотрящими на сосновый бор. Никаких тебе старых деревянных дач с резными наличниками – только современный комфорт, ухоженные газоны и тишина, нарушаемая лишь стрекотом кузнечиков да редкими голосами соседей. Сюда приезжали питерские семьи отдохнуть от городской суеты, погулять по лесу и пожарить шашлык у современного уличного очага, а не у дымной печи.

Именно в этом, слишком правильном, слишком новом месте теперь прятались осколки того самого лета в лагере «Горизонт», что перевернуло всё.

Артём сидел на террасе своего одноэтажного дома – такого же стильного, как и остальные, с лаконичными линиями и большими раздвижными дверьми. В руке он вертел телефон, не глядя на экран. Он смотрел через дорогу – на двухэтажный дом Миши и Алёны. Их семья жила здесь постоянно с 2022-го, когда перебралась из города. У Мити тоже был свой двухэтажный дом в трёх участках дальше. Артём же с мамой приезжали сюда на лето из Петербурга – как и последние два года. Всё было привычно, предсказуемо. До этого лета.

Теперь это привычное место казалось ему бутафорским.

Слишком чистым. Слишком тихим. Слишком не подходящим для тех воспоминаний, что горели у него внутри.

В голове не переставая прокручивался калейдоскоп:

Хлопок выстрела в лесу под Ленинградской областью, всего в сотне километров отсюда.

Красные глаза Террора, горящие сквозь маскировку, как два угля из другого, чужого костра.

Неестественный холодок в воздухе перед пробуждением Kaboom Symphony.

Тёплый, почти живой металл кинжала в его руке – того самого, который потом растворился в его груди, оставив лишь призрачное тепло под ребрами.

Алина, застывшая с широко раскрытыми глазами, когда лезвие коснулось её спины, и потом – её Primordial Bloom, возникающий из ничего, пахнувший мхом и древностью прямо посреди современного лагеря.

Лена... Лена, рыдающая от ужаса и отторжения, пока её Synthetic Symbiosis плело щит из света и боли.

И Надя. Надя, чья тихая ярость породила Cosmic Fury – исполина из базальта и звёздного пламени.

Артём вздохнул и потёр ладонью грудь. Шрам был едва заметен, но ощущение инородного тела, живой метки – не проходило. Он мысленно, почти машинально, вызвал Kaboom Symphony. Ничего не произошло. Вернее, произошло, но только для него: за его спиной в воздухе едва заметно дрогнуло, исказилось, и на долю секунды возник силуэт из мато-

вого металла и оранжевых прожилок. Он тут же растворился. Тренировка. Ежедневная, навязчивая проверка: «А вдруг это всё был сон?»

Но это не был сон. Это была их новая реальность. Реальность, в которой они вернулись домой в Петербург, отсидели сокращённые, странно вежливые допросы (будто следователи сами боялись копать глубже), отговорились от психологов парой общих фраз и... замолчали. Родителям сказали версию про «нападение психически нездорового человека», про «испуг» и «взрослую травму». Им поверили. Или сделали вид, что верят. А может, взрослые сами предпочли не видеть странностей: слишком быстрый отзыв детей из лагеря, внезапный приезд людей в строгих костюмах, чьи удостоверения заставляли даже участковых вытягиваться в струнку.

Дверь в дом скрипнула. Вышла мама Артёма с чашкой в руках.

– Сын, чай будешь? Или может, поедem на озеро? Погода-то какая...

В её голосе была натянутая лёгкость. Она тоже пыталась вернуть всё «как было». И тоже не получалось. Её взгляд всё чаще задерживался на нём с немим вопросом, который она не решалась задать.

– Потом, мам, – ответил Артём, натянуто улыбаясь. – Миша вот скоро придёт.

Она кивнула и ушла обратно, оставив его наедине с питерским ветерком, который даже здесь, за городом, пах немного

морем и сыростью.

Через десять минут по дорожке к калитке подошла Алёна. Она шла не своей обычной прыгающей походкой, а медленно, будто неся невидимый груз. За ней, солидной поступью, шёл Миша. Его добродушное лицо было серьёзным, а в руках он нёс пакет с продуктами – отмазка для возможных вопросов соседей.

– Привет, – коротко бросил Артём, впуская их.

– Привет, – так же коротко ответил Миша.

Они прошли внутрь, в просторную гостиную с диваном и огромным телевизором, который сейчас был выключен. Алёна молча устроилась в углу дивана, обняв подушку.

– Митя будет позже, – сказал Миша, опускаясь в кресло.

– У него... там родители, что-то с расписанием.

Они сидели в тишине. Неудобной, густой. Такая тишина бывает только между людьми, которые пережили вместе нечто ужасное и теперь не знают, как об этом говорить.

– До сих пор... снится, – тихо, почти шёпотом, сказала Алёна, не отрывая взгляда от окна. – Эти красные глаза. И тот звук... когда он ломал лианы Алины.

Артём кивнул. Ему тоже снилось. И не только это. Ему снился тот самый момент, когда кинжал вошёл в него во второй раз – не чтобы ранить, а чтобы слиться. Снилось ощущение падения сквозь взрыв, которое было не падением, а... полётом в обратную сторону.

– ФСБ так и не объявилась больше, – заметил Миша. – Ни

звонков, ничего. Как будто их и не было.

– Может, они и есть везде, – мрачно предположил Артём.
– Просто наблюдают.

Его слова повисли в воздухе, добавив новой горечи к и без того тяжёлому настроению.

В этот момент зазвонил телефон Артёма. Он вздрогнул – нервная реакция, которая теперь была нормой. На экране – «Алина».

Он ответил.

– Алё?

– Артём... – её голос звучал сдавленно, будто она говорила шёпотом. – Я... я в Питере. Не в «Огоньково». У меня... проблема. Родители. Они... они всё про лагерь узнали. Не всё, конечно, но... им сказали, что там была стрельба, что мы в опасности были. И теперь... теперь они не хотят, чтобы я с вами общалась. Особенно... особенно с тобой.

Артём сжал телефон.

– Почему?

– Потому что ты... ты был в центре всего, – голос Алины дрогнул. – Они считают, что ты... как магнит на неприятности. А теперь ещё это... это всё, что со мной случилось. Они видят, что я... другая. Я не могу скрыть это полностью. Цветы в комнате растут быстрее, земля в горшках... шевелится. Они боятся. И меня. И всего, что связано с тем летом.

– Ты сможешь приехать? – спросил Артём, уже зная ответ.

– Попробую. Совру, что к подруге. Но... это в последний

раз, наверное. Надолго. Они хотят отправить меня к бабушке в Выборг. Подальше... от всего этого.

Они договорились, что она попробует выбраться завтра. Артём положил трубку и посмотрел на друзей.

– Алина еле прорывается. Родители против.

– А Лена? – спросила Алёна, поднимая на него глаза. – Ты звонил Лене?

Артём медленно покачал головой. Он звонил. Каждый день. Сначала – она не брала. Потом – «абонент временно недоступен». Потом он попробовал написать в Telegram. Сообщение не доходило. Он проверил – она удалила его из контактов. Потом он попробовал через общих знакомых, через ВК. Везде – тишина. А потом Миша осторожно сказал:

– Она... она всех нас заблокировала. Везде. Даже Алёну. Даже меня. Она сменила номер. Её мама сказала моей, что Лена... не хочет вспоминать. Вообще. Никак. Что она вернулась другой и хочет начать всё с чистого листа. Без... без нас.

Тишина после этих слов была уже не просто неудобной. Она была мёртвой. Как будто они все сидели не в современной дачной гостиной под Питером, а в пустом, вымершем пространстве, из которого только что ушла часть их мира.

– Навсегда? – тихо спросила Алёна, и в её голосе слышались слёзы.

– Похоже, что да, – так же тихо ответил Миша. – Она сказала маме: «Скажите им, чтобы они меня забыли. И я их за-

буду».

Артём закрыл глаза. Он видел её перед собой: Лену, сжа-тую в комок от страха и ярости, Лену, чьи нити спасли их от пуль, Лену, которая сказала ему тогда в лесу: «Когда это закончится – всё. Я забираю свою обычную жизнь и ухожу. Навсегда».

Она сдержала слово.

И теперь их было не семеро. Их было шестеро. Шестеро, разбитых, напуганных, разбросанных по Питеру и его при-городам, с силами, которые они не просили, и с памятью, от которой нельзя было убежать даже в самом современном, самом безопасном дачном посёлке.

А за окном «Огоньково» тихо шумели сосны. И в их шу-ме, если очень внимательно прислушаться, могли слышать-ся отголоски другой чащи – той, из которой они только что выбрались. И из которой, возможно, выбрались не до конца.

Тишина после слов о Лене повисла в комнате тяжёлым, непроглядным пологом. Артём смотрел в пустоту за окном, где медленно гасло питерское летнее небо – неяркое, беле-сое, вечно переходное между дождём и солнцем. Казалось, сама погода отражала их состояние: ни день, ни ночь, ни по-кой, ни буря.

Миша тяжело вздохнул и прошёл на кухню, будто физиче-ски не мог больше сидеть в этой тишине. Алёна уткнулась лицом в подушку, её плечи чуть вздрагивали. Артём пони-мал её как никто: Лена была для них всех не просто подру-

гой. Она была их якорем, тихим голосом разума, когда всё вокруг превращалось в хаос. И её отказ, её побег – он ранил сильнее, чем любой удар Террора.

«Она выбрала забвение, – думал Артём, сжимая кулаки. – А мы... мы не можем».

В этот момент за окном послышался звук подъезжающей машины. Не грузный, как у родителей, а лёгкий, почти спортивный. Артём поднял голову.

На улице, у самого забора, остановился незнакомый серебристый седан. Из пассажирской двери вышла Надя. Она выглядела... собранной. Не такой потерянной, как в лесу, не такой яростной, как в момент пробуждения *Cosmic Fury*. На ней были простые джинсы и тёмная кофта, волосы собраны в небрежный хвост. Но в её глазах, когда она взглянула на дом Артёма, была та же сталь, что и тогда – только теперь отточенная, холодная, принятая.

Надя открыла пассажирскую дверь и вышла, уверенно захлопнув её за собой. Из той же пассажирской стороны, чуть неловко вылезая из глубокого кресла, появилась Алина. Она выглядела измотанной, будто пробежала не от машины до калитки, а через весь город, уворачиваясь от чужих взглядов. Одета в детские джинсы и яркую кофту, она казалась ещё меньше своих одиннадцати лет, особенно на фоне взрослой подруги.

Артём вышел им навстречу.

– Всё в порядке? – спросил он, глядя на Алину. Её лицо

было бледным, под глазами – тёмные круги.

– Нормально, – она попыталась улыбнуться, но получилось жалко. – Сказала, что поехала с Надей в торговый центр. Папа отпустил с Надей. Это Надина тётя за рулём. – Она кивнула на машину, где за рулём сидела усталая выглядывающая женщина средних лет. – Надя уговорила её подвезти меня. Говорит, что мы идём в кино. – Алина понизила голос. – Но она знает, что мы едем к вам. Просто... делает вид, что не знает.

Надя кивнула тёте за рулём, та махнула рукой в ответ, и машина плавно тронулась, оставляя их у калитки. Артём проводил взглядом удаляющиеся огни, потом перевёл его на Алину. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, будто боялась, что земля под ней зашевелится прямо сейчас.

– Заходите, – повторил Артём, отворяя калитку.

В гостиной Миша уже вернулся с чайником и кружками. Алёна подняла голову, и на её лице на мгновение мелькнуло облегчение – они были не одни. Но когда она увидела выражение лица Алины, её улыбка потухла.

– Как добрались? – спросил Миша, разливая чай в детскую кружку с котёнком для Алины и в обычные – для остальных.

– С боем, – коротко ответила Надя, принимая кружку. Она села в кресло, прямая, почти скованная. – Мои... они пока не в курсе всей истории. Думают, я просто испугалась. Но они чувствуют, что что-то не так. Особенно после того,

как я... — она запнулась, глядя на Алину, но та лишь молча смотрела в свой чай, — ...после того, как у меня дома треснула стена. На втором этаже.

Все замерли. Артём видел, как Алина вздрогнула и крепче обхватила свою кружку.

— Треснула? — переспросил Миша, откладывая чайник.

Надя кивнула, не отрывая взгляда от пара, поднимающегося над чаем.

— Я... не сплю хорошо. Снятся те красные глаза. И я... просыпаюсь, а на стене — трещина от угла до угла. Будто что-то ударило изнутри. — Она подняла на них глаза, и в её взгляде читалась не детская, а взрослая, отточенная решимость. — Я не делала этого сознательно. Но Cosmic Fury... он реагирует, даже когда я сплю. На страх. На ярость.

Тишина стала ещё гуще, плотнее. Она давила на уши, как перед грозой. Алёна притихла, прижав к себе подушку. Миша мрачно смотрел на свои ладони, будто представлял, как он мог бы сломать что-нибудь, если бы у него была такая сила.

— У меня в комнате зацвела кактусница, которая пять лет не подавала признаков жизни, — тихо, почти шёпотом сказала Алина. Все повернулись к ней. Она говорила, глядя на свои крошечные, детские руки, лежавшие на коленях. — За одну ночь. И на подоконнике... пророс мох. Я пыталась его убрать, а он... он потянулся к моей руке. Будто живой. Мама увидела... — голос Алины задрожал, — ...она закричала. По-

думала, что это какая-то плесень, зараза... а я... я чувствовала, как он тянется ко мне. Как будто это часть меня. – Она подняла на них глаза, полные слёз. – Они теперь боятся моей комнаты. Папа хочет вызвать санстанцию.

Артёму стало физически больно от её слов. Он видел, как она сжимается, стараясь стать меньше, невидимее. Одиннадцать лет. В её возрасте он думал только о компьютерных играх и летних каникулах.

– А у тебя? – спросила Надя, глядя на Артёма. Её взгляд был твёрдым, но в глубине глаз – та же тревога.

Он медленно покачал головой.

– Взрывов во сне не было. Но я... чувствую тепло. Там, где был кинжал. И иногда, когда закрываю глаза, вижу не свою комнату, а... ту самую поляну. Тот лес. Как будто часть меня всё ещё там. – Он помолчал. – И Kaboom Symphony... он будто ближе стал. Раньше нужно было сосредоточиться, а теперь... иногда просто подумаю – и чувствую, как он уже здесь. Ждёт.

– У меня тоже, – тихо сказала Алина. – Primordial Bloom... он не уходит. Он просто... стоит в углу комнаты. Тихо. Но я знаю, что он там. И растения... они тоже знают.

Они снова замолчали, осознавая масштаб происходящего. Это были не просто воспоминания. Это была новая реальность, которая жила в них, росла вместе с ними, искала выход – иногда через трещины в стенах, иногда через цветение кактусов.

– А Лена... – начала Алина, но тут же замолчала, увидев, как все лица потемнели.

– Лены больше нет, – резко, почти жёстко сказала Надя. Но в её голосе слышалась не злость, а боль. – Она сделала свой выбор. Мы должны уважать его.

– Но она одна из нас! – не выдержала Алёна. Её голос сорвался. – Она же...

– Она испугалась, – перебила Надя. Её голос дрогнул, но она взяла себя в руки. – И у неё есть на это право. Нам легче – у нас есть друг друга. А она... она всегда была одна. И теперь она выбрала одиночество. Мы не можем её заставлять.

Она посмотрела на каждого из них по очереди – на Артёма, на Мишу, на Алёну, на Алину.

– Они придут за нами. Те самые люди из леса. ФСБ, «Сигма», как их там... или что-то ещё. Или тот... Террор. Он ранен, но он жив. Он не оставит нас в покое. – Она сделала паузу. – Или мы научимся контролировать то, что в нас, или... мы станем угрозой. Для себя. Для наших семей. Для всех, кто рядом.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Она была права. Они не могли просто сидеть и ждать, пока мир вокруг них начнёт трещать по швам от их же собственных неконтролируемых сил. Или пока за ними не придут те, кто видел, на что они способны.

– Что предлагаешь? – тихо спросил он.

Надя на мгновение задумалась. Она посмотрела на Али-

ну, которая сидела, съёжившись, будто пытаясь спрятаться в своём кресле.

– Мы должны тренироваться. Учиться управлять этим. Не как дети, которые случайно нашли оружие. А как... – она искала слово, – ...как те, кому это дано. И кому придётся с этим жить. Вместе.

Она произнесла это слово – «вместе» – с такой твёрдостью, что Алина чуть приподняла голову.

– А где? – спросил Миша. – Здесь? Соседи услышат, увидят... Особенно если что-то пойдёт не так. – Он посмотрел на Алину. – Если мох начнёт расти через асфальт.

– Не здесь, – сказал Артём. Он уже думал об этом. – В лесу. В стороне от посёлка. Есть старые вырубki, заброшенные дороги. Туда не ходят даже грибники – слишком далеко. Мы ездили туда с отцом на велосипедах.

– Рискованно, – заметила Алина, и в её голосе снова зазвучал страх. – А если... если мы не справимся? Если я не смогу остановить?

– А если ты не сможешь остановить здесь, в своей комнате? – мягко, но настойчиво спросил Артём. – Если вместо кактуса зацветёт твоя кровать? Или стена? Лучше там, где никого нет.

Алина покраснела и опустила глаза, но кивнула.

В этот момент с улицы донёсся звук ещё одной машины. На этот раз знакомой – старенькой «Лады» родителей Мити. Все насторожились. Через минуту в дверь постучали, и на

пороге появился Митя. Он был бледен, а в руках, как всегда, держал ноутбук, но на этот раз его лицо было не сосредоточенным, а почти испуганным.

– Вы уже все тут, – констатировал он, снимая очки и протирая их дрожащими пальцами. – Хорошо. Потому что у меня есть кое-что. То, что вы должны увидеть. Срочно.

Он прошёл в гостиную, не обращая внимания на общую напряжённость, и, не садясь, открыл ноутбук прямо на журнальном столике.

– После лагеря, – начал он, голос его звучал непривычно быстро, сбивчиво, – я начал мониторить все местные новости, форумы, даже частные чаты. Искал любые упоминания об аномалиях, странных событиях. И вот, три дня назад...

Он повернул экран к ним. На нём был открыт форум питерских сталкеров и исследователей аномальных зон. И там, в разделе «Ленинградская область», была свежая тема, горящая красным значком «НОВОЕ».

«Странные явления в районе старого лагеря "Горизонт" – новое?»

Автор, скрывающийся под ником «Леший-наблюдатель», писал о том, что в лесу, в километре от заброшенного лагеря, стали происходить странные вещи: деревья будто меняли форму за ночь, на земле появлялись узоры из опавших листьев, которые не мог создать ветер, а по ночам слышался низкий гул, «будто земля дышит».

И самое главное – вчера вечером кто-то выложил размы-

тое, тёмное фото, сделанное, судя по всему, на телефон ночью. На нём, среди деревьев, угадывалась человеческая фигура в камуфляже. И два светящихся точки в темноте.

Красные точки.

Артём почувствовал, как у него перехватило дыхание. Надь резко встала, её чашка со звоном упала на пол, но она даже не взглянула на неё. Алина вскрикнула и вжалась в кресло. Миша побледнел ещё сильнее.

– Он там, – прошептал Артём, не отрывая взгляда от экрана. – Он вернулся.

– И он... не один, – добавил Митя, прокручивая страницу ниже.

Там, в комментариях, уже были ответы. Кто-то писал о «странных людях в штатском», которые вчера вечером объезжали ту зону на чёрных внедорожниках без номеров. Кто-то – о том, что видел, как военные грузовики съезжали с трассы в сторону леса. И один комментарий, самый свежий, от часа назад:

«Только что пролетал вертолёт. Не санитарный, не МЧС. Без опознавательных. Кружит над той самой ложбиной. Что там происходит?»

Митя закрыл ноутбук с глухим щелчком. В комнате воцарилась тишина, но теперь это была не тишина растерянности. Это была тишина перед бурей. Тяжёлая, звенящая, полная невысказанных вопросов и одного главного ответа: покоя не будет.

– Это только начало, – тихо сказал Митя, глядя на них поверх очков. – Что-то происходит. И оно связано не только с нами. Оно связано с тем местом. – Он сделал паузу. – И, возможно, с тем, что в нас вошло. С кинжалом. Со стендами. Со всем этим.

Артём поднялся. Его движения были медленными, но уверенными. Он посмотрел на Надю – она уже стояла, сжав кулаки, её взгляд горел холодным огнём. На Алёну – та прижала к себе подушку, но в её глазах читалась не детская паника, а решимость. На Алину – она сидела, обхватив себя за плечи, но уже не плакала. На Мишу – тот кивнул ему, тяжёлый, непоколебимый, как скала.

– Значит, тренировки начинаются завтра, – сказал Артём. Его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. – На рассвете. Пока все спят. В том лесу, что за старой карьером. Там глубоко, и туда не ходят.

– А что насчёт... того? – тихо спросила Алина, кивнув в сторону ноутбука.

– Мы пока не лезем туда, – ответила Надя. – Сначала мы должны научиться контролировать себя. Потом... посмотрим.

Она была права. Идти сейчас туда, где кружат вертолёты и ходят люди в камуфляже с красными глазами, было бы безумием. Но мысль о том, что Террор вернулся, что он где-то рядом, и что за ним следят те самые «специалисты по нестандартным ситуациям» – эта мысль висела над ними, как да-

моклов меч.

Они договорились о времени и месте, обмениваясь короткими, деловыми фразами. Даже Алина кивала, стараясь выглядеть взрослее. Когда Надя и Алина ушли – на этот раз их забрала мама Нади, которая подъехала, хмуро посмотрев на дом Артёма, – в комнате снова воцарилась тишина.

Но теперь она была другой.

Артём стоял у окна, глядя на тёмные силуэты сосен за забором. Питерская ночь была светлой, белой, но в глубине леса, который начинался всего в километре от посёлка, уже таилась тьма. Та самая тьма, из которой они только что выбрались. И которая, кажется, не отпустила их до конца.

Он положил руку на грудь. Там, под футболкой, тепло пульсировало в такт сердцу. Отголосок кинжала. Отголосок взрыва, который не убил его, а изменил.

Kaboom Symphony откликнулся лёгкой дрожью в воздухе за его спиной – невидимой, неслышной, но ощутимой только для него.

Война не закончилась. Она просто перешла в другую фазу. Тихую. Невидимую. И оттого – возможно, ещё более опасную.

А завтра на рассвете им предстояло сделать первый шаг в эту новую, непредсказуемую реальность. Не как жертвы. Не как испуганные дети.

А как те, кому придётся с этим жить. Вместе.

Глава 2. Лена?

Рассвет в «Огоньково» наступал рано и неярко. Солнце, пробиваясь сквозь низкую питерскую облачность, окрашивало небо в молочные, размытые тона. Воздух был прохладным, влажным, пахло хвоей и сырой землей. Идеальная маскировка для тех, кто не хочет быть замеченным.

Артём вышел из дома в пять утра, когда даже самые ранние птицы ещё только начинали перекликаться. На нём был тёмный спортивный костюм и рюкзак, в котором лежала вода, немного еды и... чёрный бархатный мешочек. Пустой. Кинжала в нём не было уже давно, но Артём не мог избавиться от привычки брать его с собой. Это был талисман. Напоминание. Или предупреждение.

Миша и Алёна ждали его у своей калитки. Миша – в такой же тёмной одежде, с решительным, но немного осунувшимся лицом. Алёна – в яркой розовой кофте, которая кричала на фоне утренней серости, но она наотрез отказалась надевать что-то «как у шпионов».

– Митя уже пошёл к карьеру пешком, – тихо сообщил Миша. – Говорит, проверит местность.

– А Алина с Надей? – спросил Артём.

– Их подвезёт Надина тётя на машине до поворота на карьер. Сказали, что на утреннюю фотосессию.

Они двинулись по спящим улицам посёлка, обходя дома

стороной. Лес начинался сразу за последним забором – не густой, сосновый, с мягким ковром из хвои под ногами. Дорога к старому карьёру была едва заметной тропинкой, которую знали только местные дети да редкие грибники. Сейчас она казалась им единственным путём в новую, пугающую реальность.

Через двадцать минут ходьбы лес стал гуще, сосны сменялись елями, а под ногами появились валуны, поросшие мхом. Впереди, сквозь деревья, показался разрыв – старый, заброшенный карьер. Когда-то здесь добывали песок, а теперь это была огромная чаша с отвесными стенками, частично заполненная дождевой водой. На дне, среди зарослей ивы и ольхи, было относительно ровное, скрытое от посторонних глаз пространство.

У самого края карьера их уже ждали Митя, Надя и Алина. Алина сидела на большом камне, кутаясь в лёгкую куртку, и смотрела на воду внизу с таким сосредоточенным видом, будто пыталась заставить её зацвести. Надя стояла рядом, прямая и собранная, а Митя что-то помечал в блокноте.

– Всё чисто, – доложил Митя, увидев их. – Ни души в радиусе километра. Даже птицы здесь не поют. – Он посмотрел на Алину. – Что, кстати, странно.

– Здесь... тихо, – подтвердила Алина, не отрывая взгляда от воды. – Но не пусто. Земля... она спит, но не глубоко. Я чувствую.

Её слова, произнесённые детским голосом, звучали жут-

ковато. Артём видел, как по её спине пробежала лёгкая дрожь. Или это были не она дрожала, а мох под её ногами?

– Хорошо, – сказал Артём, сбрасывая рюкзак. – С чего начнём?

Все посмотрели на Надю. Она была самой собранной, самой «взрослой» в этой ситуации.

– С контроля, – твёрдо сказала она. – Каждый из нас должен понять, что запускает нашу силу. Не в момент опасности, а здесь и сейчас. Что ты чувствуешь, Артём, перед тем как появляется Kaboom Symphony?

Артём задумался. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить те первые моменты в лагере.

– Страх. Ярость. Чувство, что нужно защитить... – он открыл глаза, – ...защитить вас. Или что-то ещё. Острую необходимость.

– Значит, эмоции – триггер, – заключила Надя. – А что ещё? Физическое ощущение?

Артём положил руку на грудь.

– Тепло. Здесь. Оно всегда есть, но когда я вызываю стенд... оно становится... острее. Будто кто-то нажимает на кнопку изнутри.

– У меня тоже, – тихо сказала Алина. – Но не тепло... а... щекотка в пальцах ног. Будто корни прорастают. И запах... земли после дождя. Он становится сильнее.

– У меня – холод в висках, – добавила Надя. – И чувство... тяжести. Будто на плечи положили камень. – Она помолчала.

– Cosmic Fury – он тяжёлый. В прямом смысле. Он давит на реальность вокруг меня. Я это чувствую.

Миша, слушавший всё это время, нахмурился.

– А у меня-то что? Я ведь... без стенда.

– Но ты рядом с нами, – сказала Надя, глядя на него. – И ты видел то же, что и мы. Возможно, твоя сила – в другом. В устойчивости. В том, чтобы быть... якорем.

Артём кивнул. Миша действительно был их якорем. В лесу, когда все были на грани паники, именно его спокойная сила не давала им разбежаться.

– Хорошо, – снова взял инициативу Артём. – Давайте попробуем по очереди. Без паники. Без опасности. Просто... вызывать. Контролируемо.

Он отошёл на несколько шагов в сторону, к стволу большой старой сосны.

– Я начну.

Он закрыл глаза, сосредоточился на тепле в груди. Не на страхе, не на ярости – а просто на ощущении. На той точке, где когда-то вошёл кинжал. Он мысленно представил Kaboom Symphony не как оружие, а как... часть себя. Как руку. Как дыхание.

Тепло ответило. Оно разлилось по груди, стало ярче, но не обжигающим. Артём мысленно протянул к нему «руку» – не физическую, а ту, что была внутри. И почувствовал отклик.

Воздух за его спиной содрогнулся. Не с грохотом, а с лёгким, едва слышным гулом, похожим на вибрацию струны. И

он появился.

Kaboom Symphony стоял в полуметре от него – массивный, молчаливый, из матового металла. Его оранжевые прожилки пульсировали ровным, спокойным светом. Никаких взрывов. Никакой агрессии. Просто присутствие.

– Получилось... – прошептал Артём, открывая глаза. Он видел, как друзья смотрят на него – не со страхом, а с осторожным интересом. – Я... не приказывал. Я просто... позвал.

– Теперь ты, – сказал Артём, глядя на Алину.

Алина испуганно посмотрела на него, потом на землю под своими ногами.

– Я... я не знаю. А если... если всё вокруг зарастёт?

– Сосредоточься не на растениях, – мягко сказала Надя. – Сосредоточься на ощущении. На той щекотке в пальцах. Представь, что это не что-то чужое, а часть тебя. Как... как твоё дыхание.

Алина закрыла глаза. Её лицо скривилось от сосредоточенности. Она сидела на камне, поджав под себя ноги, и казалась совсем маленькой, хрупкой. Но через несколько секунд воздух вокруг неё изменился. Пахнуть стало не просто сыростью, а свежескопанной землей, прелыми листьями и... цветением. Нежным, едва уловимым.

И тогда за её спиной пространство заволновалось, словно сквозь него проросла невидимая корневая система. Из ничего, плавно, без звука, возник Primordial Bloom. Высокая,

древняя фигура из переплетённых корней и живого мха. Его янтарные глаза смотрели на мир с безмятежным, нечеловеческим спокойствием. Под ногами Алины, там, где лежал голый камень, пророс тонкий зелёный мох – не яростно, не агрессивно, а мягко, как будто всегда тут и был.

– У меня... получилось? – тихо спросила Алина, открывая глаза и увидев свой стенд. Она улыбнулась – впервые за долгое время настоящей, не вымученной улыбкой.

– Получилось, – подтвердил Артём. – Теперь ты, Надя.

Надя кивнула. Она встала в центре площадки, закрыла глаза. Её лицо стало сосредоточенным, строгим. Артём видел, как она сжимает кулаки, как её дыхание становится глубже.

– Я не боюсь, – прошептала она, будто убеждая себя. – Я не злюсь. Я просто... есть.

Воздух вокруг неё затрепетал. Не так, как у Артёма – не вибрацией, а искажением. Будто пространство само сжималось под невидимым давлением. Запах озона, едкий и резкий, пронзил воздух.

И тогда из этого искажения, с тихим, низким гудом, родился Cosmic Fury. Он был меньше, чем в лесу – не исполином, а скорее доспехами, облегающим её тень. Чёрный базальт его формы не пылал яростью, а лишь слабо светился изнутри алым светом, как тлеющий уголь. Но сила, исходящая от него, была ощутима физически – давила на уши, заставляла волосы на руках вставать дыбом.

– Гравитация... – прошептал Митя, глядя на свой компас. Стрелка дрожала, указывая не на север, а прямо на Надю. – Она искажает пространство вокруг себя. Даже в пассивном состоянии.

Надя открыла глаза. Её взгляд был чистым, ясным.

– Контроль... это возможно. Но трудно. Как удерживать... шар весом в тонну на кончике пальца.

Они стояли так несколько минут – трое со своими стенами, трое без – в тишине заброшенного карьера. И в этой тишине не было страха. Было понимание. Было принятие.

– А теперь... что мы можем делать? – спросила Алёна, которая всё это время молча наблюдала, широко раскрыв глаза.

– Мало что, если не хотим привлечь внимание, – честно сказал Артём. – Но мы можем... чувствовать. Понимать пределы. – Он мысленно дал команду Kaboom Symphony поднять руку. Стенд плавно, беззвучно поднял свою массивную конечность. – Раньше это было рывком. Сейчас... плавно.

– У меня тоже, – сказала Алина. Её Primordial Bloom медленно протянул руку, и из его ладони пророс маленький, нежный цветок, похожий на колокольчик. – Я могу... не просто расти. Я могу... создавать. Конкретное.

Это был прорыв. Маленький, но значимый.

Они тренировались ещё час. Артём учился создавать микро-взрывы – не громкие хлопки, а лишь щелчки, разрывающие воздух на расстоянии вытянутой руки. Алина пыталась направлять рост мха в определённую сторону, а не про-

сто позволять ему расползаться. Надя экспериментировала с гравитационным полем – пыталась создать не барьер, а лишь лёгкое уплотнение воздуха, которое могло бы, например, остановить падающий лист.

У них получалось плохо. Сбивчиво. Силы выдыхались быстро. После часа тренировки Алина уже сидела, обхватив голову руками, а её стэнд поблёк, став почти прозрачным. Надя тяжело дышала, а по её вискам струился пот. Даже Артём чувствовал странную, сосущую пустоту внутри, будто он потратил не физическую, а какую-то иную энергию.

– На сегодня хватит, – сказал Миша, видя их состояние. – Выгорите полностью – будет хуже.

Они собрались уходить. Стенды растворились в воздухе так же тихо, как и появились. Но ощущение от тренировки осталось – смесь усталости и странного, горьковатого удовлетворения. Они сделали первый шаг. Они не убежали. Они не спрятались. Они начали учиться.

Когда они уже собирались покидать карьер, Алина, которая шла последней, вдруг остановилась и резко обернулась.

– Что-то не так? – спросил Артём.

Алина стояла, прислушиваясь, её лицо было напряжённым.

– Земля... – прошептала она. – Она... дрожит. Не здесь. Далеко. Там... – она указала рукой на северо-восток, туда, где по их данным находился лагерь «Горизонт». – Там что-то происходит. Что-то... большое. Просыпается.

Все замерли, глядя в ту сторону. Лес молчал. Небо было белесым, спокойным. Ничего не предвещало беды.

Но они уже знали – тишина обманчива. А если Алина, чья сила была связана с землёй, чувствовала что-то на таком расстоянии...

– Завтра вернёмся, – тихо сказал Артём. – И будем тренироваться усерднее.

Они молча пошли назад, к посёлку. Но теперь за их спинами висела не только усталость, но и новое, холодное предчувствие. Что их первая, робкая попытка взять контроль в свои руки – это только начало. И что где-то там, в лесу, который они покинули, уже зреет новая буря. Которая, возможно, уже знает о них.

А может, даже ждёт.

Прошёл день...

Решение поехать в город пришло само собой – как глоток воздуха после удушья. Слишком много леса, слишком много тишины, слишком много воспоминаний, что висели в воздухе «Огоньково» тяжёлым, неотпускающим пологом.

– Нам нужно сменить обстановку, – сказала Надя на следующее утро, когда они снова собрались у Артёма. Её лицо было бледным после вчерашней тренировки, но взгляд – твёрдым. – Мы заикливаемся. Сидим здесь и прислушиваемся к каждому шороху. Так только сойдёшь с ума.

– Куда? – спросила Алина. Она выглядела немного отдохнувшей, но под глазами всё ещё лежали синеватые тени. –

Не в торговый центр же...

– На Береговую, – предложил Артём. Мысль пришла внезапно. – К Лахта центру. Там люди, шум, залив... нормальная жизнь. Мы сможем просто... побыть обычными. Хотя бы на несколько часов.

Идея была рискованной – в толпе было легче затеряться, но и сложнее контролировать неожиданные проявления сил. Однако альтернатива – сидеть в четырёх стенах, прислушиваясь к дрожанию земли и собственным страхам, – казалась хуже.

Через час они уже ехали на электричке в сторону Финляндского вокзала. Питер встретил их своим привычным раздвоенным лицом – с одной стороны, серые сталинские дома и мокрая от недавнего дождя брусчатка, с другой – сверкающие стеклянные фасады новых районов. Контраст был разительным, почти болезненным: вот он, обычный мир, который продолжал жить своей жизнью, не подозревая о красных глазах в лесу и о детях, носящих в себе целые вселенные.

На Береговую они добрались на метро. Когда вышли из станции «Беговая», дух захватило даже у них – не от красоты, а от масштаба перемен. Лахта центр, взмывающий в небо стеклянным шпилем, казался кораблём пришельцев, причалившим к берегу Финского залива. Вокруг – простор, небо, низкие облака, бегущие с моря, и лёгкий, солёный ветер, который сдувал с лица напряжение.

– Просто гуляем, – напомнил Артём, но сам чувствовал,

как плечи непроизвольно расправляются. Здесь, на открытом пространстве, страх отступал, уступая место другому чувству – странной, настороженной свободе.

Они пошли вдоль набережной. Народу было немного – будний день, да и погода была переменчивой. Алёна сразу потянула Алину к воде, к парапету, за которым плескалась серая, беспокойная вода залива. Миша и Митя пошли чуть позади, обсуждая архитектуру Лахта центра с точки зрения инженерии и физики. Надя шла рядом с Артёмом, молча, но её поза была менее скованной, чем обычно.

– Здесь хорошо, – вдруг сказала она, не глядя на него. – Шум машин, ветер... он заглушает... остальное.

Артём понял. Она говорила о тихом гуле Cosmic Fury, о давлении на реальность, которое она чувствовала постоянно. Здесь, на ветру, это давление будто рассеивалось.

Они дошли до площадки перед Питерлэндом – гигантским развлекательным комплексом, чьи стеклянные стены отражали бегущие облака. Здесь было больше людей – семьи с детьми, подростки, туристы с фотоаппаратами. Обычная летняя суeta.

– Может, по мороженому? – предложила Алёна, и в её голосе впервые за долгое время прозвучала обычная, детская радость.

Они купили мороженое в киоске и уселись на низком парапете, глядя на залив. На несколько минут они действительно стали обычными подростками – смеялись над неудачной

фотографией Мити, спорили о вкусах, наблюдали за чайками. Артём ловил себя на том, что улыбается по-настоящему, без усилия. Он видел, как и у других разглаживаются лица, как Алина, облизывая ванильный рожок, на секунду выглядела просто маленькой девочкой, а не носителем древней силы.

Именно в этот момент он его почувствовал.

Не взгляд. Не звук. Присутствие.

То же самое, что он ощущал в лесу, когда Террор наблюдал за ними из чащи. Острое, режущее чувство чуждости, направленное на него. Только здесь, среди стекла и бетона, оно казалось ещё более нелепым и оттого – более пугающим.

Артём медленно, стараясь не выдать напряжения, повернул голову. Его взгляд скользнул по толпе, по парам, по одиноким прохожим. Ничего. Никаких камуфляжных курток, никаких красных глаз.

Но чувство не уходило. Оно стало плотнее, целенаправленное. Будто кто-то вёл прицел прямо на него.

– Артём? – тихо спросила Надя. Она сидела рядом и, кажется, уловила перемену в нём. Её рука непроизвольно сжалась вокруг стаканчика с мороженым, и Артём заметил, как по её костяшкам пробежал слабый, багровый отсвет – на долю секунды.

Он покачал головой, давая знак: «Пока тихо». Но его собственное тепло в груди ответило тревожной пульсацией. Kaboom Symphony замер где-то на грани реальности, гото-

вый материализоваться по первому мысленному зову.

– Может, пойдём дальше? – предложил Миша, тоже почувствовав неладное. Он встал, его массивная фигура непроизвольно встала между Алиной и открытым пространством набережной.

Они собрались, выбросили мусор и двинулись дальше, к самому концу набережной, где начинался пустырь и строительный забор, огораживающий какие-то будущие проекты. Здесь людей почти не было.

Чувство преследования не исчезло. Оно следовало за ними, как тень.

– Кто-то есть, – наконец, сквозь зубы проговорил Артём, когда они оказались в относительном уединении за углом павильона. – Следит.

– Террор? – сдавленно выдохнула Алина.

– Не знаю. Но... недоброе.

Надя резко обернулась, её взгляд стал сканирующим, острым. Она смотрела не на людей, а на... пространство. На искажения. На аномалии.

– Вон там, – тихо сказала она, кивнув в сторону высокой конструкции из строительных лесов, что стояла метров за сто от них, у кромки воды. – За фермой. Кто-то стоит. Не двигается.

Все напрягли зрение. В тени металлических балок действительно угадывалась человеческая фигура. Не в камуфляже. В обычной городской одежде – тёмная куртка, джин-

сы. Но поза... поза была слишком прямой, слишком неестественной для простого прохожего. И лицо было обращено прямо на них.

– Не он, – прошептал Артём, чувствуя облегчение и новую тревогу одновременно. – Но... кто?

В этот момент фигура сделала шаг вперёд, выйдя из тени. Это был мужчина лет тридцати, с невыразительными, забывающимися чертами лица. Такое лицо можно было увидеть в метро и тут же забыть. Но его глаза... они не были красными. Они были обычными. И оттого – ещё более пугающими. Потому что в них не было ни любопытства, ни злобы. В них была профессиональная, холодная оценка. Как у хирурга, рассматривающего объект для операции.

Мужчина поднял руку. Не угрожающе. Он просто поднёс что-то к уху – маленькое, похожее на гарнитуру. И сказал одно слово, которое они не расслышали, но губы сложились чётко:

«На месте.»

– Всем назад, к людям, – резко скомандовала Надя, но было уже поздно.

С другой стороны, из-за угла строительного вагончика, вышли ещё двое. Молодые, тоже в гражданском. Они шли неспешно, но их движение было отточено, синхронно. Они расходились, мягко отрезая путь к набережной с людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.